

Демонический язык

В отсутствие Владыки в замке остались лишь Хельзе, алхимик и гусь-монстр. Уборка не прекращалась ни на миг. Обитатели крепости мерили время по призрачному свету: часы, когда Луна заливала залы своим сиянием, считались днём; когда же мрак стужался настолько, что требовались свечи — наступала ночь.

Хельзе поднималась спозаранку и усердно трудилась, выпросив у Ансеринуса ветошь, чтобы до блеска оттирать столы. Когда усталость брала своё, она садилась на пороге галереи и подолгу смотрела на внутренний двор, заросший буйным сорняком под тяжелыми грозowymi тучами.

— Какое величие, — проговорил Гвидо, бесшумно подходя к ней. — Подобная громада заставила бы померкнуть даже королевский дворец.

— Вы бывали на приёме у короля? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Кажется, когда мне перевалило за пятьдесят... Я служил лекарем у одного султана, — пустился в воспоминания старик. — Позже мне наскучили дворцовые интриги, коих там было в избытке, и я ушел.

Гвидо произнес это буднично, без тени бахвальства — должно быть, к его годам люди перестают придавать значение подобным вещам. Сама же Хельзе, чей жизненный путь оборвался в двадцать три года, самым далеким своим путешествием считала поездку в соседний город.

— Оставь сегодня эти мелкие хлопоты, — Гвидо отвел взгляд от горизонта. — Лучше помоги мне. Когда господин Фарфаноэрс вернется, он наверняка приведет тех, кто займется грязной работой.

Он повел Хельзе вглубь замка, к узкой винтовой лестнице. Ступени, лишённые опор, удерживались в пространстве некоей неведомой силой. Они поднялись на второй этаж — туда, где им еще не доводилось бывать. Перед уходом Фарфаноэрс велел Гвидо осмотреть верхние ярусы при первой возможности.

В отличие от мрачного первого этажа, коридоры второго были залиты лунным серебром, дрожавшим в воздухе подобно туману. Стоило толкнуть любую дверь, как взгляду открывались крутые скаты крыш и врезанные в них слуховые окна. Это было самое светлое место во всём замке. В лучах застывшего света плясали пылинки; столы и кресла, не знавшие перемен целое столетие, дремали в неподвижности.

Эта комната служила кабинетом для переписчиков. С ней соседствовало обширное хранилище,

где грудами громоздились десятки тысяч книг. Они образовывали целые бумажные горы, башни и замки — в огромном зале не нашлось ни единого книжного шкафа, фолианты были просто свалены в кучи.

— Какое расточительство! — потрясенно воскликнул старик.

Для алхимика это место было истинной сокровищницей. Осторожно приподняв полы халата, чтобы не потревожить вековой покой знаний, Гвидо бережно взял первую попавшуюся книгу. Она была написана на диковинном наречии, которого он никогда не встречал. Вторая оказалась путевыми заметками на языке, знакомом ему лишь поверхностно. Лишь в третьей он узнал родную речь — это был сборник народных баллад. Старик не удержался и вполголоса напел строки, начертанные на пожелтевших страницах:

Зима сметает всё на своём пути,

О ты, вверивший себя холоду,

Пустоши и леса, застывшие в безмолвии —

Помните ли вы щебет птиц?

Птицы, о птицы, когда нимфа вновь подбросит свой мяч,

Рухнет власть вечной зимы.

Пусть же вернутся к тебе

Твой голос, твой венец и твоя дева,

Король весны...

Гвидо вспомнил ту едва уловимую, лукавую улыбку, с которой Фарфаноэрс провожал их. Едва увидев эти горы книг, старик понял скрытый смысл слов своего господина.

Шпионить за ним было бессмысленно.

Алхимик невольно представил лицо демона. Большую часть времени юноша оставался беспристрастным, а его редкие улыбки казались пугающе бледными. Он ведь демон! Гвидо ощутил холодный укол страха: он совершил серьезную ошибку, пытаясь измерить Фарфаноэрса мерками земных монархов. Уважение к королю зиждется на его богатстве и власти.

Власть же демона стояла неизмеримо выше. Он видел насквозь твои желания и мог забрать дарованное в любой миг.

— Впредь никогда не пытайся перечить Владыке, — обратился Гвидо к Хельзе. — Это крайне важно.

— А?.. Да, конечно, — растерянно отозвалась девушка, не понимая, что вызвало такую перемену в настроении спутника.

Пока они осматривали второй этаж, планируя подготовить еще несколько спален, находившийся далеко в пустошах Фарфаноэрс едва не вырвал с корнем кустик златоустой травы — рука предательски дрогнула.

Ему почудилось, будто кто-то помянул его имя. Юноша бросил взгляд на цепочку людей, тянувшихся за ним. Человеческая натура многогранна; в сердцах тех, кто лишь недавно покинул мир живых и еще не познал суровости Преисподней, всё еще теплились земные предубеждения. Благодаря строгости Вирадуана они вели себя смирно. Впрочем, время покажет.

Второй поход за душами прошел успешно. Пересчитав подписанные контракты, Фарфаноэрс обнаружил, что их набралось ровно два десятка. В основном это были умершие от голода крестьяне и двое детей. В мире живых люди с ремеслом — мелкие мастера — редко умирали подобной смертью, если только не случалось войны или мора. А вот земледельцы, чей удел зависел от капризов природы и алчности сборщиков налогов, становились легкой добычей смерти.

Примечательно было другое: когда число контрактов перевалило за десять, чувства юноши обострились. Чтобы проверить это ощущение, Фарфаноэрс задержался в пустошах, пока не набрал еще десяток душ. Интуиция его не обманула: с ростом числа «слуг» крепла и его внутренняя мощь. Теперь он мог видеть в контрактах куда больше скрытой информации и даже улавливал обрывки чужих мыслей — смутные, едва различимые образы, происхождение которых пока невозможно было определить.

Это было добрым знаком, но торопить события не стоило.

— Идёмте. Пора возвращаться.

С учетом прежних спутников теперь под его началом было двадцать три человека. Поскольку спальни еще не были готовы, новоприбывших вновь разместили на ночь в главном зале, поручив Вирадуану распределить места.

Обеспечив замок рабочей силой на долгое время вперед, Фарфаноэрс перешел к следующим распоряжениям. Души в Преисподней нуждались в пище, иначе голод мог лишить их рассудка. Он велел Вирадуану возглавить отряд для поиска пропитания — лучшим источником сейчас

служили мигрирующие леса, остановившиеся неподалеку от крепости. Если вовремя срубить «деревья-авангарды», лес надолго замирал на месте. Хельзе же было поручено управление остальными людьми для продолжения уборки.

— Мне... управлять? — переспросила девушка, и её голос дрогнул. — Боюсь, я не справлюсь...

— В этом нет ничего сложного, — возразил Фарфаноэрс, впервые внимательно вглядываясь в её лицо: травянисто-зеленые глаза и россыпь веснушек на щеках. — Если кто-то откажется подчиняться — просто скажи мне.

Он окинул ледяным взглядом стоящих позади людей. Его алые зрачки медленно переместились из одного угла глаз в другой.

— Что ж, может, тогда стоит их прикопать в саду?

Тихий судорожный вздох донесся до ушей юноши.

— Шутка, — добавил он бесстрастным тоном.

Впрочем, на шутку это походило меньше всего.

— Полагаюсь на тебя, Хельзе.

Он развернулся, и его плащ взметнулся в такт шагам. Алхимик, давно дожидавшийся аудиенции, тут же последовал за господином.

— Позвольте заметить, господин, эта девчушка вряд ли годится для такой роли, — пробормотал старик.

— Возможность дается каждому. Если не доверять ей дело, как узнать, на что она способна? — небрежно отозвался Фарфаноэрс.

На деле у него были свои соображения, касающиеся природы контрактов. Люди полны корысти, и демоны порой намеренно закрывают на это глаза. Оставляя человеку крохотную лазейку для надежды, они лишь делают финал его падения более изысканным. В демонических договорах часто встречаются «ложные пункты» — их количество напрямую зависит от веры человека в демона и глубины его собственных желаний.

На данный момент меньше всего таких ловушек было в контрактах Вирадуана, Хельзе и Гвидо.

Причем у алхимика их было чуть больше, чем у остальных, что Фарфаноэрс расценивал как меру его лояльности.

Души, пытающиеся сопротивляться, становятся посмешищем; онемевшие от безразличия — лучшим расходным материалом. Но даже если в твоём сердце поселился непроглядный пепел, в конечном итоге ты не избежишь судьбы стать лишь удобным инструментом в руках хозяина.

«Довольно мерзко», — подумал юноша. Если смотреть на происходящее как на игру, то бесконечная эксплуатация душ казалась самым коротким путем к успеху.

— Хм... — он усмехнулся своим мыслям. Старик прервал его раздумья.

— Здесь всё, что удалось собрать для письма.

В скриптории Гвидо продемонстрировал плоды своих поисков: бумагу, копии рукописей, перья, чернильницы и скребки. Фарфаноэрс придирчиво осмотрел находки. Внезапно он вытянул один из листов.

— Ты понимаешь, из чего это сделано?

Гвидо осторожно коснулся поверхности пальцами.

— Пергамент?

— Нет. Вот этот лист, — юноша указал на бумагу более темного оттенка, — выделан из кожи бешеного быка. А этот... это человеческая кожа.

— Человеческая кожа?

— Верно. У людей есть плотская оболочка и призрачная плоть. Сейчас вы пребываете во втором состоянии, и оно куда долговечнее первого.

А значит, кожу душ можно использовать бесконечно. Гвидо принял это объяснение без лишних вопросов.

— Может ли призрачная плоть окончательно исчезнуть? — спросил он. — И если да, то куда уходят знания и память, сокрытые в душе? Разделена ли Преисподняя на уровни, или же после окончательного увядания наступает пустота? А если нет...

— Что ж, возможно, когда-нибудь ты сам это узнаешь, — уклончиво ответил Фарфаноэрс. По правде говоря, он и сам не знал ответа.

— ...Я понимаю, — старик решил, что юный господин просто не желает раскрывать все тайны сразу.

— Давай составим план, — Фарфаноэрс отложил странный пергамент и взял одну из тетрадей. Он опустил в кресло, и перо начало привычно вращаться в его пальцах. — Гвидо, чего нам не хватает в первую очередь?

— В долгосрочной перспективе — слуг, — четко произнес алхимик. — В краткосрочной — обустройства жилых зон, что уже делается. Затем нужно найти пахарей, чтобы распахать пустоши, основать деревни вокруг замка, пересмотреть систему податей... И хорошо бы починить сторожевые башни, укрепив оборону.

Гвидо говорил без остановки. Он повидал мир, странствуя в поисках крупиц истины, и хотя никогда не служил королям, умел отличать доброе правление от дурного. Закончив, он замер в ожидании решения. Фарфаноэрс на мгновение задумался и начертил в тетради единственное слово:

«Календарь»

— Что это за язык? — с любопытством спросил Гвидо. — Никогда не видел ничего подобного.

Фарфаноэрс писал машинально, поддавшись привычке. Он опустил взгляд на строку символов: лишённые углов, причудливо переплетённые линии — это был Алфавит Годи, общепринятый среди демонов.

Гвидо смотрел на знаки, и в его серых глазах вспыхнул фанатичный блеск. Словно это были не просто загадочные буквы, а едва слышный шепот, доносящийся с самой поверхности бумаги. Не в силах оторваться, он всматривался в них всё пристальнее...

Символы взирали на него в ответ, и внезапно они зашевелились, складываясь в жуткое подобие улыбки.

Фарфаноэрс резко захлопнул тетрадь.

— Гвидостурия! — властно окликнул он.

Алхимик вздрогнул, приходя в себя. Холодный пот скатился по его седым вискам; он замер, тяжело дыша, словно человек, чудом избежавший гибели.

— Это Демонический язык.

Юноша вырвал исписанный лист и скомкал его.

— Никогда не смотри на него слишком долго.

<http://bllate.org/book/16116/1581920>